

Однако капитан уже срывал с Артёма одежду, как листья с кочана капусты. Ощупывал каждый шов, пока подозреваемый не остался стоять на пронизывающем ветру в одних трусах и майке. Ничего предсудительного больше не нашлось, но артиллерист оголил пришельцу живот и... замер. Покрылся липким потом и Артём, боясь опустить глаза. Да только было поздно. Офицер сжал железными пальцами горло, в глазах Артёма потемнело, ноги подкосились, но хватка не ослабла.

– «МО РФ», – начал читать бирку на обороте майки артиллерист. – Отлично! Значит, Министерство обороны Российской Федерации? А вот и продолжение: «3 взвод 6 рота. Воевода А.Н.». Забавно. Ещё скажи, что купил майку на рынке.

Со знанием дела, прекрасно зная, где и как маркируют в армии одежду, оттанул резинку на трусах. Всё повторилось – и штамп, и подпись. Да и как не повториться, если каждый суворовец обязан подписывать нестираемой пастой белё перед его отправкой в стирку, чтобы потом отыскать в общей куче своё...

Больше капитан не церемонился. Больше всего взбесило, что его едва не провёл вокруг пальца шивший пацан, и уже не как ребёнка, а врага и сепаратиста, резким ударом по лицу сбил с ног. Разом долетела до флага быстрее, чем туда же воткнулся нос Артёма. Офицер перевернул пленника ногой, наступил на грудь американским ботинком. Среди бороды рождалась зловещая улыбка.

– Петро, а вспомни-ка, когда был убит командир миномётчиков в «Айдаре». А? Наверняка в тот же день, когда Воевода А.Н. из 3 взвода 6 роты МО РФ ел твой суп на позиции. А потом подожгли степь и наверняка этими самыми спичками, которые и пану майору дарились, и мне предлагались...

У повара от догадки выпала из рук буханка хлеба. Артём мгновенно почувствовал и холод, и мерзлые комья земли под спиной. Что же он натворил! Всего-то и поленился заменить майку с трусами. Да и не помнил он про этот штамп. И уж тем более не мог представить, что станут раздвевать...

– Вроде... не помню... где-то в это время, – одновременно и кивал и пожимал плечами повар.

Не дав Артёму разрешения подниматься, капитан отшёл на несколько шагов, включил рацию. Говорил негромко, по-украински, но дело касалось жизни и смерти, и слух пленника обострился, выстраивая смысл разговора по отдельным словам. А он не сулил ничего хорошего: артиллерист вызывал сотрудника контрразведки, попросив захватить с собой журналиста, потому что российская армия стала посылать в качестве наёмников малолеток. Один у него в руках, и это будет красиво смотреться в телевизоре. А ещё желательно присутствие миномётчиков из «Азова».

Только как ни уговаривал, ни интриговал верзилка контрразведчиков, тем поездка в ночь на передовую удовольствие не представляла. «Азовцы» откликнулись охотнее, но тут уже артиллерист поаждалничал делиться с ними славой: удача должна находиться в одних руках, иметь одного хозяина...

– В подвал его! До утра, – приказал артиллерист охраннику.

Повар вцепился в буханку, пальцы продавили корку, легко вошли в мякиш. Ни думать про вторжение русской армии в Украину в лице непонятного пацана, ни сопоставлять его прежний приход с убийством айдаровца не хотелось. Он видел сгорбленную, посиневшую фигуру уводимого под конвоем парня, отплёвывающего алую кровь на снег, и боялся представить в подобном положении своего младшего сына.

2. «Матвей» ждал гостя из Тулы и представителя министерства обороны подполковника Зазимко. Чайник в третий или пятый раз принимался вскипать на раскалённой докрасна, незаменимой для окопной жизни «буржуйке», но разливать кипяток пока было некому. Несколько раз взвизнул, просясь в тепло, Шнурок, но милости командира не дождался и побрёл по траншее, вскидывая голову на каждый сторонний шум. Плохо быть маленькому солдату на войне, ничего не видишь из глубокой траншеи, даже приближающейся опасности. А он хоть и собачий, но солдат, раз стоит на котловом довольствии блокпоста.

Гость из Тулы оказался небольшого росточка, в камуфляже без знаков отличия и погон, чтобы даже случайные свидетели не зафиксировали очередного добровольца, приехавшего вместо шахтёров воевать с украинцами. Но представился первым, как и учат в военных училищах: при равенстве воинского звания танкисты, лётчики, моряки, пограничники в знак поминания значимости первыми отдают честь окопному офицеру:

– Капитан Резников. Тульское суворовское военное училище.

– Чайком угостишь, Матвей, – сопроводивший гостя Зазимко потёр руки в предвкушении горячего угощения. Командир «Тэшки» знал о цели визита из предварительного телефонного разговора, и потому распахнул дверь в штабную землянку широко. Гости обогнали вниманием кофе со сливками, хранимые для самых дорогих посетителей, потянулись к духмяной заварке из трав.

– Ну что, всё-таки сбежал боец, – вроде бы и с сожалением, но и не без ноток гордости за бывшего подчинённого констатировал Василий Матвеевич. Донецкая порода – она такая, с нею нахрапом ничего не сделаешь.

– Почему же сбежал, – не приняв упрёка, спокойно ответил туляк-оружейник, с присвистом снимая с чашки едва успевающий остывать тонкий слой кипятка. – Он у нас в законном отпуске.

В доказательство протянул сложенный вчетверо отпускной билет, согласно которому Артём убывал на десять дней в Донецк по семейным обстоятельствам. Печать, размашистая подпись начальника училища снизу вверх на полстраницы.

Оба понимали, что отпуск Артёма – это подтасовка фактов, но если в сговор вошёл сам начальник училища, то командиру блокпоста оставалось только согласно кивать. Оставалась самая малость – разыскать самого виновника вселенского тарарама.

– Его здесь не было. И на похороны не приехал, – ответил за свой участок ответственности «Матвей».

– Он не знал про похороны, телеграмма пришла позже, – прокололся Резников.

Ага, всё-таки сначала побег, потом, задним числом, прикрытие своей безалаберности. А то отпуск, по семейным...

– И где искать? Может, его и нет на Донбассе, – «Матвей» приподнял отпускной, оглядел присутствующих: кто берёт на себя смелость первым увидеть белёга и вручить оправдательную бумажку?

Напряжение разрядил Зазимко: – Прекращаю лить из пустого в порожнее. Пограничники подтвердили, что Артём пересёк границу за пару часов до того, как им пришёл «стопплист» о задержании.

– Я могу послать с вами бойца к нему домой. Авось соседи что видели. И в школу можно загнать, друзья же остались. Подождём и мы здесь. Ну не может человек на войне прожить, как Робинзон Крузо, в одиночку.

– Да, так и сделаем, – согласился Зазимко.

Встал, по привычке поправил форму. – Товарищ подполковник, мне бы с вами ещё на минуту... поинтересоваться... – попросил аудиенции «Матвей».

Туляк деликатно вышел, оставляя донецких офицеров одних.

– Извините, я опять про Артёма. Месяц назад мы посылали на него наградной за уничтожение миномётчика...

– Присядь, – попросил подполковник, благо в чашках оставался чай. – В геройстве парня мы не сомневаемся. Бой имел место. Но по наградному вышла заминка. Документы затребовали на проверку контрразведчики.

– А они с какого перепугу?

– Да вот нашёлся он, этот перепуг. Когда и что ты слышал о его отце в последний раз?

– Сто лет в обед, – удивился вопросу «Матвей». – Ещё до войны записал, дурак. Как ни уговаривали, водка оказалась сильнее. Уволили с работы: от пьяницы и шахта ятится. Ушёл из дома и как в воду канул.

Посчитав ответ исчерпывающим, замолчал, но Зазимко ждал продолжения.

– Потом мать погибла. Воспитания на себя взял крёстный, Степан Ильич. Но его позавчера самого похоронили. Я не понимаю, товарищ подполковник...

дорога в Рязанское десантное. А там подготовка разведчиков, другой уровень секретности...

– Бред. Артём – шпион...

– Василий Матвеевич, мы взрослые люди. Идёт война...

– Но мы-то должны оставаться людьми!

«Должны, – молча согласился Зазимко. – Но и должны подчистить всю ситуацию. Для блага самого Артёма, чтобы раз и навсегда закрыть вопрос и не возвращаться к нему».

Николай ИВАНОВ

Это понимал и «Матвей», но слишком неожиданными оказались известия. Колыка Воевода, его друг по шахте, пытается пленных ополченцев, его подчинённых...

– Товарищ подполковник, я всё понимаю, – «Матвей» глянул на дверь, за которой мёрз гость из Тулы. – Но поверьте быстрее. Я готов подписаться за него под любой бумагой. Только... только не говорите ничего Артёму.

– Его ещё надо отыскать.

3.

Погреб оказался хранилищем для продуктов. Когда глаза привыкли к темноте, Артём обследовал углы и понял: из подземных тюрем сбежать невозможно. Единственный выход – это дверь, но артиллеристы, похоже, продукты укрепляли надёжнее, чем боеприпасы: два замка и три засова за его спиной звякнули на пять нот, пока он летел после пинка по земляным ступенькам до пола.

– Сиди, думай и молись своей Москве, – усмехнулся перспективе пленника капитан.

Думать Артёму как раз и страшно. Лишь однажды через их «Ташку» проводили обмен пленными. И если украинские военных не отдавали до тех пор, пока каждого не осмотрит доктор, то возвращавшиеся ополченцы волокли друг друга, бессильно падая в руки парламентарёв. Один из вернувшихся сказал подбёгавшей с микрофоном журналистке:

– Гестапо отдыхает...

возможных, в толстовке. Начальник физподготовки капитан Иван Иванович Иванов примет утром доклад Чумаченко:

– 3 взвод 6 роты к зарядке готов. В строю 20 человек. Отсутствует по неуважительной причине суворовец Воевода.

Отсутствует, присутствует – жизнь в СБУ не остановится и последует неизменная команда:

– Приготовиться к бегу!

Лежанкой определил мешки с сахаром. Вокруг мешков выставил в ряд картонные коробки с консервами – худобно, но будут держать тепло. А укроется сеткой с луком. Он начинает подгибать, но ему ли воротить нос от запахов. А гниёт потому, что осенью поленились обработать и высушить луковички.

Но лук ерунда. Что будут спрашивать контрразведчики? Куда повезут потом? В СБУ, наверное, всё равно лучше, чем у нациков. От них живым ещё ни один человек не вернулся, полавших к ним людей как корова языком слизывает с земли.

Повернувшись, задел коробку с консервами. Одна упала на пол, из неё, как из брюха, вывалились банки с дешёвой килькой. В суворовском на ужин наверняка тоже дадут рыбу. Они учили нормы довольствия, принятые в училище: мясо птицы – 80 грамм в сутки на человека, творог – 60, колбасы полукопчённые – 25, молоко коровье – 500 миллилитров и далее по списку – овощи свежие, в том числе лимон, соль, специи, какао-порошок, а последним тридцатым пунктом шло даже драже поливитамина – одна штука... Командиры подчёркивали: вы обходитесь государству в десять раз дороже обыкновенного школьника. Цените.

Он заценил...

Стал биться лбом в мешок с сахаром. Мало было 80 грамм в сутки? Получай десять мешков на ночь. Всё твоё! Твоё! Твоё!

Остановился, пока не начала гореть кожа на лбу и во рту вновь не появились солёный привкус от вновь закровоточившей разбитой щеки. Замер. В училище кроме норм довольствия они заучивали назубок ещё и обязанности суворовца. В первую очередь то, что запрещалось:

«Нарушать установленный в училище распорядок дня. Появляться не по форме одетым. Играть в азартные игры, курить, употреблять спиртные напитки, наркотические, токсические, психотропные вещества, бранные выражения. Запрещены любые финансовые отношения между суворовца-

предусмотрел? Целая минута! Чем ду- мал раньше!

– Эй, пацан, где ты? – подал голос Петро.

Приподнял миску, постучал по дну ложкой. Вот бы горячая каша. В училище от неё стонали, мечтая о чипсах, пельменях и сосисках с газировкой. Дураки! Может, и впрямь не дадут сейчас околеть? А что, если попросить принести ещё чего-нибудь попозже, а самому подготовиться к прорыву? Охранника можно ударить по голове бутылкой с подсолнечным маслом, потом бросить в глаза горсть соли, а отодранной от ящика доской с гвоздями со всего размаха по мордам...

– Выходи на свет! – потребовал часовой, бдительно не переступая порог подземелья.

Если придут ночью, то наверняка уже с фонарём. Плохо. Ослепят. Да и с чем им приходиться, он здесь не на курорте, чтобы кормили три раза на ночь. Но какой момент упущен. Только кто же знал. Наверняка Петро, добрая душа, уговорил часового покормить

сидельца. Повара гвоздём по лицу нельзя, рука не поднимется...

Повар, поставивший добавить грубости голосу, сказал скорее для часового:

– Миску потом вернёшь. На учёте.

А сам встал стал дергать подбородком в сторону дальнего угла, словно указывал им направление, где пленнику стоило поискать счастья.

Едва захлопнулась дверь, Артём торопливо забросил в рот полную ложку обжигающей гречки и стал пробиваться через нагромождения в указанный угол. Не нервный же тик случился у повара. Может, здесь стена у погреба наиболее тонкая и если всю ночь делать подпол, то возможно вырваться из заточения?

В углу его ждала гора картошки в деревянном коробе. Количество внушительное, косвенно подтверждающая, что воевать собираются по крайней мере до следующего урожая. Только теперь эти сведения мало кому интересны. И есть сырую картошку он тоже не собирается. А стена погреба – из толстенных брёвен, бобру не перегрызть, не то что ему с разбитыми губами. Надежда, мелькнувшая несколько минут назад, так и не обрела очертания. Утро неизбежно...

Принялся выбирать обратно к миске с кашей, пока окончательно не остыла. Что ждёт впереди, неизвестно, а силы наверняка потребуются...

Однако в эту же минуту его остановил шорох, послышавшийся откуда-то сверху. Мышь?

Свет провалился в яму вместе с пучком солом. Дааа! И – тишина. Гробовая. Петро притих?

Затаился и Артём, словно его движения тоже могли привлечь слух часового. Не торопиться! Пока не стемнеет, вообще ничего нельзя предпринимать!

Отдушина оказалась не трубой, как обычно, а деревянным желобом. Тут на удачу сработала леньность артиллеристов: чтобы не носить картошку в мешках по ступенькам, они сыпали её в закрома сверху именно по желобу. Дёшево и сердито. Но даже если снять всю одежду, всё равно в квадратное отверстие не протиснуться.

Присел, приказав себе успокоиться. Доел остывшую кашу, обнаружив на самом дне присыпанный гречкой кусочек баранины. Спасибо, дядя Петро. Авось когда-нибудь ещё увидятся и он поблагодарит за всё лично.

Пока имелся хоть какой-то свет, следовало соорудить тумбу под лаз. Но как расширить отверстие? Выкорчёвывать саму деревяшку? Рас-

Главы из романа

шатать её так, чтобы сама сползла в подвал?

В нетерпении и злости вновь принялся шатать жёлоб. Земля по бокам досок с шумом просыпалась, и это отрезвило, остановило его нервные попытки вырваться на волю сейчас и сразу. Небо сверху серело, ещё полчаса, и в подвале наступит сплошная темнота. Она хороша для победы, но не для подготовки к нему.

– Дядя Петро, ну что ты?

Тот услышал! Не шёпот, конечно, а молюбу. Небо закрылось, но лишь для того, чтобы прилетела какая-то доска, обмотанная в тряпье.

Артём затих, затем тронул доски жёлоба. Не шелохнулись. Без усилий и возможного шума не обойтись. Каким образом сможет подняться потом в тоннеле, об этом пока не думалось. Хорошо, что на краю доски осталась гвоздь «сотка», он худо-бедно, но вырывается в подмерзшую землю. На войне железо и сталь ценнее золота и серебра.

– Первый, пошёл! – прошептал приказ на десантирование. Хотя тут не прыгать вниз, а ползти вверх.

Сыпалась земля, колотилось сердце, дрожали от напряжения руки. Но мало-помалу доска продвигалась, желоб начинал слегка пружинить. В какой-то момент деревяшка начала проседать под собственной тяжестью, потом и вовсе заскользила вниз.

Бросился к упаковкам с луком: связанные меж собой сетки и есть канат, который надо укрепить на перекладинах. Привязать один конец сетки к доске, вытолкнуть вверх, устроить пережёк ямы.

Руки не имели и лишь после десятикратных попыток перекладина осталась покоиться поперёк ямы. Артём осторожно потянул сетку, испытывая сооружение на прочность. Боясь сплунуть удачу, ни рук не потёр, ни перекрылся, ни похвалил себя. Всё-таки, наверху, под землёй жизни не радуются.

И правильно сделал, потому что застрял в дыре ровно посредине. Руки пытались тянуть тело вверх, ноги тщетно искали опору на гладких откосах, и стало за счастье провалиться обратно в преисподнюю. По миллиметру, больше под собственной тяжестью, но удалось сползти на подставку из ящиков. Переждав отчаяние, он принял доской счищать лишнюю землю в норе.

Снял полушубок, занимающий пространство. И бурки тоже долой, они скользят по стенкам. Их можно повесить на шею, как связку бубликов. А полушубок... Его тоже привязать к поясу и вытащить за собой, потому что на холоде без одежды не выжить. Под это дело пойдёт хоть и хиленькая, но бечёвка, перепоясавшая коробки с консервами.

Тащить за собой полушубок оказалось неподручно. Он не мешал, но вес имел и тянул вниз. Зато плечи хоть и с трудом, но протискивались в норе. В одном месте уперлись в каменную преграду, и Артём, вцепившись пальцами ног в шероховатости лаза и повиснув на одной руке, принял в отчаянии долбить землю вокруг оказавшегося на пути камня. Несколько раз отдыхал, и бубликчик мало-помалу, но зашатался и заскользил вниз. Однако его удара по полушубку хватило, чтобы тот, и так еле державшийся на полусгнившей бечёвке, сорвался вслед за каменным ядром вниз.

Руке стало значительно легче, плечам свободнее, и Артём сделал рывок, позволивший ухватиться за перекладину. Из последних сил подтянулся, повис на доске.

Как ни тянуло сразу выскользнуть через бруствер, но нашёл в себе силы вернуться в штабную «отдыхайку». К брошенному под ноги флагу Республики, который пропитан и его кровью...

4.

...Сказать, что суворовцы с нетерпением ждали предновогоднюю дискотеку, это не сказать ничего. Полугодовые оценки, даже предстоящие зимние каникулы уходили на второй план. По десять раз на день уточнялись дата и время вечера, а новости про наступающий вирус ковид-19 слушались исключительно потому, что в стране начались ограничения при проведении массовых мероприятий.

– У нас же не Москва, – успокаивали все друг друга.

– И не Питер.

Хотя и в игольное ушко, но училище проскочило с дискотекой до пандемии и полных ограничений. Убил всех Чумаченко. Он не мог не выделиться, и накануне ему через за-